

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παράλιπομένων

Павел
Зальцман

Сигналы Страшного суда

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Павел Яковлевич Зальцман
И. Кукуй
Сигналы Страшного суда.
Поэтические произведения
Серия «Серебряный
век. Паралипоменон»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964680

Сигналы Страшного суда: Поэтические произведения / Сост. И. Кукуй.:

Водолей; Москва; 2011

ISBN 978-5-91763-056-4

Аннотация

Настоящее издание впервые в приближающемся к полноте объеме знакомит читателя с поэтическим творчеством художника Павла Яковлевича Зальцмана (1912–1985). Зальцману-поэту, прошедшему школу Павла Филонова и близкому к кругу ОБЭРИУ, удалось в своих произведениях объединить формальный эксперимент с непосредственностью поэтического высказывания и с уникальной экспрессией передать катастрофизм эпохи и трагедию творческой личности. Тексты подготовлены по материалам рукописного архива поэта и сопровождаются текстологическим и реальным комментарием.

Содержание

Стихотворения	8
1. «Тихо-тихо на лугу...»	10
2. «Оружейник, точи...»	11
3. «Под горой зеленая долина...»	12
4. «Река еще в тумане...»	13
5. Зима	14
6. Утро	16
7. Осень («Пальцы ветра, шумно шаря...»)	18
8. «В поту его холодный лоб...»	20
9. Ночь («Дым ли это снежный, туманы ли...»)	21
10. Осень («Саван сумерек клубится за окошком...»)	22
11. «Ветер резкий плащ черный рвет...»	23
12–13. Заговор	24
I. «Дымный факел, догорая, плачет...»	24
II. «В темноте густой и липкой...»	24
14. «Плачет сумрак голосом шарманки...»	26
15. Побег	27
16. «Остров, остров, берег желтый...»	28
17. «Вечер, догорающий победно...»	29
18. Весна («Окна стеклянной пеной...»)	30
19. Вывеска	32

20. «Не вытянет стрела в глухие облака ...»	33
21–23. Дождь	34
I. Ночь («Окутал дождь. Затопленный булыжник...»)	34
II. «За подворотней дробный гул...»	35
III. «Последний ветер сорвался с мачт...»	36
24. Май	38
25. «Кусаеть ногти, морщишь брови...»	39
26. Баллада	40
27–29	42
I. «Впотьмах еще мигнул трухлявый пень...»	42
II. «Когда, придя к столу, я сел и стал...»	43
III. «Дождь был один. Интимно рассказал...»	44
30. Одесса	45
31. Весна («Окна и люди, – серые на желтом...»)	46
32. Дворик на Канатном	48
33. «Я сидел, а вы играли...»	49
34. Елисаветградский переулок	50
35–38. Ловля	52
I. «На светлом ноже от окна на обоях...»	52
II. «В окна падал белый снег...»	53
III. «Закутавшись в душевные ночи...»	55
IV. «Дверь открылась из сеней...»	56

39. «Я вижу – нет надежды...»	58
40. «Всё сходится точно...»	59
41. Белая ночь	60
42. «Видишь – там, в открытом поле...»	62
43. «Оцарапав ключья туч...»	63
44. «Не увлекайтесь преступными мечтами...»	64
45. Молитва петуха	65
46. Вася Дудорга	66
47. Одна	68
48. Другая	70
49. «Я высуну язык. На крюк...»	73
50. «Дама с зонтиком стоит...»	75
51. «Стукнуло по глазам...»	77
52. Жажда	78
53. «Каждый из дому в карманчике...»	80
54. Едем через Кореиз	81
55–56	82
I. «Скрыни сроки в потору...»	82
II. «Листопады, тородоги...»	82
57. Детский сад в Бердянске	84
58. Ветер. Дворик на горе. Суматох а во дворе	85
59. Обезьяны	86
60. Щенки	89
61-65. Танки	91
«Облако муки...»	91

«Слезы льют цветы...»	91
«Беспокойный сон...»	91
«Неужели никогда...»	92
«Провожают облака...»	92
66. Мой друг – дурак	94
67. Волшебный рог	95
68. Песня разбойников	98
69. Ночные музыканты	100
70. Завоевание	102
71. «Ослабевшая, упала...»	105
72. Гипнотические фокусы	106
73. «Бредят души из темных тел...»	108
74. «Полинялая такая...»	109
75. Дорога в Ура-Тюбе	110
76. «Когда я был наездником...»	111
77. Псалом I	112
78. Псалом II	113
79. «Закрыв полой лукавый взор...»	114
80. «Чем корзины полней высокими лбами...»	116
81. «За мной следил зеленоглазый гад...»	117
82. Железный мальчик	118
83. Псалом III	120
84. Болото	122
85. Охота	124
86. Случайность	126
87. Сон («Вот подкручены усы...»)	128

88. Сатурн	129
89. «Без помарок. За курок...»	130
90. Летучий змей	131
91. Таинственное воспоминание	132
92. Ры-ры	134
93. Застольная песня	135
94. «Как будто я еще довольно молод...»	136
95. «Дайте, дайте мне обед...»	137
96. Игра в карты	138
97. Крым («Тесто всходит в темноте белее снега...»)	140
98. Псалом IV	142
99. Застольный гимн лещу	144
100. «Презреннейшие твари...»	146
101. Дом на Большой Московской	148
102. Псалом V	149
103. Псалом VI	150
104. «Нет, я ничего не понимаю...»	152
105. Детские игры	153
106. «Налетели страшные рожи...»	155
107. «Нет, не знаю я Иова...»	156
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Павел Яковлевич Зальцман

Сигналы Страшного суда

Стихотворения

*Мы выделяем стих
Чрезвычайно прочно.
Вещи любят, чтобы их
Называли точно.
Павел Зальцман*

1. «Тихо-тихо на лугу...»

Тихо-тихо на лугу,
Догорает ветерок.
Я бегу к тебе, бегу,
Пастушок.
Выходи же на ручей
Под горой
Поскорей. Поскорей,
Дорогой.
Стынет вечер голубой,
Гаснет свет.
Ах, увижусь ли с тобой,
Или нет...

30 ноября 1922

2. «Оружейник, точи...»

Оружейник, точи.
Наши стрелы – лучи,
Их огонь не убывает.
Наши стрелы быстрее,
Наши стрелы острее,
Наши стрелы убивают.

Оружейник, точи.
Мы подыдем мечи,
Нас хранят вороненые латы.
Мы набычим рога,
Мы летим на врага,
Мы украшены. Мы крылаты.

Точно ливень из туч,
Точно огненный луч,
Мы ударим по вашим латам.
Мы летим, мы летим
Черным и золотым,
Мы летим раскаленным градом.

1923

Рыбница

3. «Под горой зеленая долина...»

Под горой зеленая долина,
В лозняке ручей неуследим.
С очерета черного овина
Стелется вечерний дым.

Уплывает розовая глина,
Ускользает ветерок.
Аист подымается с овина
И улетает на восток.

А за ним, скрипя и лая,
Сняться с места норовя,
Над колодцем тянется сухая,
Неживая шея журавля.

Кто не хочет оставаться, —
Клонит голову к плечу,
Должен никогда не просыпаться.
Я снимаюсь и лечу.

10 октября 1924

Рыбница

4. «Река еще в тумане...»

Река еще в тумане.
Розовый восток.
Облачко над нами,
Как машущий платок.

И машет и мелькает,
Как будто ветерок
Нас жадно провожает
Изгибами дорог.

Взбегает на вершину,
Кружит платок и рвет:
– Не брошу, не устану...
Бросает. Отстает.

*1924, Рыбница – 1946, Алма-Ата,
гостиница «Дом Советов»*

5. Зима

Для маленькой Тани

Вот январь наступил,
Снег глубокий
Опушил, оснежил
Наши щеки.

Речка бьется подо льдом.
Стынут мели.
Лица темным огнем
Заалели.

Злыми пальцами мороз, —
Снег глубокий, —
Щиплет щеки, держит нос,
Щиплет щеки.

Быстрый ветреный восход
Разгуляться не успеет,
И мутнеет небосвод.
И темнеет.

Вот луна. Висит коса.
В наши уши
Ночь доносит голоса

Глуше. Глуше.

2 января 1925

Рыбница

6. Утро

Одинокий поезд мчится.
Рвется, рвется серый дым.
Утренний туман клубится
По просторам золотым.

Ветер с нами вперегонку
Разгоняет облака,
Раздаются часто, звонко
Стук колес и звук гудка.

Мимо нас простор широкий
Мчится вспаханных полей,
Вот, задернутый осокой,
В балке маленький ручей.

Прокатился мост зеленый,
Пролетает стая луж.
Воет, воет поезд сонный,
Усыпляет стук колес.

Промелькнула и деревня
Мимо. А за ней опять
Потянулася равнина
И широкой степи гладь.

Одинокий поезд мчится.
Рвется, рвется серый дым.
Утренний туман клубится
По просторам золотым.

8 августа 1925

7. Осень («Пальцы ветра, шумно шаря...»)

Пальцы ветра, шумно шаря,
Плющ срывают с мокрых стен.
Шпага звякнула о шпору.
Дочитал. Встает с колен.

Беглый стук копыт,
Звук ответный плит,
Листьями покрытых.
Это он спешит,
Черный конь летит,
И стихают плиты.

Время спит. Неслышно тянется.
Так ползет в траве змея.
Кто уйдет и кто останется?
Кто умрет? Быть может, я.

Слышен стук копыт.
Или кровь стучит?
Звук ясней и чаще.
Опоздавший спешит.
Конь как ветер летит,
Разрывая кольца чащи.

Ветер воет иль ворон каркает?
Ветер листья кружит в ветвях.
Шпага вытерта желтым бархатом.
Тело сложено в кустах.

Злобно дуб качается сгорбленный,
Ветер воет в победный рог.
Расползается знак бесформенный.
Капли крови сосет песок.

28 августа 1926
Ленинград

8. «В поту его холодный лоб...»

В поту его холодный лоб,
И убегает взгляд.
На этот раз не повезло —
Сейчас его казнят.

Его ведут на эшафот
С рассвета до сих пор.
И он идет, давно идет,
Над ним висит топор.

Он прислоняется к столбу.
Вокруг шумит народ.
Прилипли волосы ко лбу.
Сейчас он оботрет.

12 декабря 1926
Ленинград

9. Ночь («Дым ли это снежный, туманы ли...»)

Дым ли это снежный, туманы ли
Так окутали плечи башен?
Звезды пылью в небо прянули,
А под ними месяц повешен.

Блестки снега с визгом и пением
По дворам и крышам мечутся,
Так что стены качаются, пьяные
Под лучами летящего месяца.

От огня такого неверного,
Под лучами такого месяца
В эту ночь, на суку дерева черного
Кто-нибудь должен повеситься.

*9 апреля 1927
Ленинград*

10. Осень («Саван сумерек клубится за окошком...»)

Саван сумерек клубится за окошком,
Бледен неба северный наряд.
Только месяца мутнеющие рожки
В глубине топазами горят.

Мы остались. Улетели птицы.
За окном, в тумане сентября,
Стая листьев медленно кружится,
Красным снегом по двору соря.

Выгорает свет на половицах,
Тучи точат за слезой слезу.
Темнота зевает и ложится.
В высоте сосна, как волчий зуб.

Сентябрь 1927
Ленинград

11. «Ветер резкий плащ черный рвет...»

Ветер резкий плащ черный рвет.
Серой дымкой скрыта даль.
Море песню из всплесков поет,
В этой песне звенит печаль.

Черный плащ донесло до воды,
Подымает его волна,
И, отмытая, возле дыр
Кровь теперь уже не видна.

1927

12–13. Заговор

I. «Дымный факел, догорая, плачет...»

Дымный факел, догорая, плачет,
Смоляная вниз ползет слеза.
Заговор скреплен и начат.
Бархат сумрака окутывает зал.

Темный ход от каменной скамейки,
Осторожней делается шаг.
Пробегают золотые змейки
По клинкам грозящих шпаг.

Слов огонь, неосторожно ярок,
Лижет ветки красного костра.
В глубине открытых арок
По углам ворочается страх.

II. «В темноте густой и липкой...»

В темноте густой и липкой
Двух дверей гнусавый плач.

Нас подбадривал улыбкой
Снисходительный палач.

[Кто язык удержит за зубами!
Не хватило вытянутых жил.
Прозвучал служебный «амен» —
Человек напрасно жил.]

25 декабря 1927

Ленинград

14. «Плачет сумрак голосом шарманки...»

Плачет сумрак голосом шарманки.
Звон дождя о скуке говорит.
Извиваясь в глубине Фонтанки,
Сквозь туман мерцают фонари.

Под ногами мокрые каменья,
Временами – скрип песка.
Сквозь туман дождливой тенью
Пробирается тоска.

Воду режут отраженья ночи,
Окна щелкают зубами рож.
Фонарей огни в ответ хохочут.
Тело охлаждает дрожь.

Плачет сумрак голосом шарманки.
Ряд стволов качнулся и поник.
Хорошо катиться по Фонтанке,
Головой ушедши в воротник.

23 января 1928
Ленинград

15. Побег

Мы избавимся от пыток —
По дороге мчится гул.
Торопитесь, твердые копыта,
Караул уснул.

За мелькающим лесным забором
Скоро будут синие луга.
Солнце красит блекнувшим загаром,
И полет туманит, как угар.

Уносите кони, уносите,
Нас опутал лунных нитей дым.
Нить за нитью мчатся эти нити,
И от них летим мы и летим.

9 марта 1928
Ленинград

16. «Остров, остров, берег желтый...»

Остров, остров, берег желтый,
Месяц, месяц молодой,
Утром, крадучись, прошел ты
Низко-низко над водой.

Белый парус далеко, —
Опадающий мешок.
Месяц цедит молоко
В тростниковый гребешок.

1928

17. «Вечер, догорающий победно...»

Вечер, догорающий победно,
Красный плащ над степью распростер.
Стадо туч под мутным солнцем медно,
И безмолвен выжженный простор.

Зубьями камней овраг ощерен,
Шевелится высохший ковыль.
На огромный лошадиный череп
Оседает розовая пыль.

Солнце через пыль кроваво гаснет,
Как в тумане тлеющий костер.
Догорая, этот вечер красный
Мутный плащ над степью распростер.

В крыльях туч, темнея, гаснут перья,
Вянут листья красного куста.
Как в овраге лошадиный череп,
Голова разбита и пуста.

18. Весна («Окна стеклянной пеной...»)

Окна стеклянной пеной
Бьются в сетях у стен,
Разломан ножами света
Холодный блеск их.
Как рыбы, уходят в тени
И в тине тонут, с тем,
Чтоб на внезапной леске
Метнуться занавеской.

За дребезжаньем ведер,
За звяканьем подков,
За прыганьем подводы
По голышам булыжным
Взлетают, звоном выдернутые,
Грузила пятаков
И падают под сводами,
Холодные и влажные.

И, каплями разбуженные,
Оживают плиты,
И уплывают лужи,
И розовы граниты.

9 апреля 1929

Ленинград. Загородный, 16

19. Вывеска

Со звоном плывут и тонут
В тени вороненные рыбы,
А от стекольной водицы
Взлетает битая птица.

1929

Загородный, 16

20. «Не вытянет стрела в глухие облака ...»

Не вытянет стрела в глухие облака
Тугой и медный звон зеленой тетивы.
Молчат колокола. На мертвых языках
Качаются сползающие шлифованные тени.
Им петь нельзя, но звон их в грязной пене
И в плеске желтых волн Невы.

Колет колокол железом,
Звон удара, бок проломан.
Разогнали. Он ползет.
Он сорвался с колокольни
Для последних похорон.
По камням грянул звон.

Пепел тает. Ветер веет.
Пыль пылит. Нева невеет.

1929–30?

21–23. Дождь

I. Ночь («Окутал дождь. Затопленный булыжник...»)

Окутал дождь. Затопленный булыжник.
Мы заперты в бочонках тусклых улиц,
И в желтизне приподнятого неба
Отражена нахмуренность закут.
Мы наблюдаем с жадностью прохожих —
Они от нас скрываются, сутулясь.
Мы припадаем к выщербленным стенам.
Ночь выжата, и мы в ее соку.

Раздавленные сыростью известки,
Недвижны покоробленные стены.
Привлекшие нас темнотою сваи
Едва шипят, как илистая пена,
И вдруг, пустой и глянцевой полоской,
За поворотом, как всегда бывает,
Сливаясь в цепь из булькающих капель,
Стекает вниз холодная вода.

Но через дождь пока что серый скальпель
По горизонту ползшего рассвета

К ночной одежде, скомканной и спящей,
Метнулся с крыш и с кожей содрал.
Глаза открыл и ставнями заклеал
Промытый утром город. После этого
В пузырчатой и лопавшейся чаще
Сгорела и рассыпалась заря.

10 апреля 1929

Ленинград

II. «За подворотней дробный гул...»

За подворотней дробный гул
Тянул во двор, бросал за ворот
Удары капель, бил и гнул
И гнал в ворота, будто вора.

Был всюду реющий удар
Над головой тяжел и буен,
Из полноводного пруда
Катились сумерки и струи.

Они поили нас и, вниз
Стекая, освежали крыши.
И вот, обрызганное листика,
Весь город делается выше.

Но чердаки, уткнувшись в пыль

Углов, заплывших тьмою, ловят
Металла гулкие стопы
На каждом слове.

19 апреля 1929
Ленинград

III. «Последний ветер сорвался с мачт...»

Последний ветер сорвался с мачт
На душные крыши и с пылью, скомкав,
Нагнал газетных рваных ключьев
В сухие рты дверей и окон.

Но капли повисли на прутьях оград,
Над ними дома светлы и плоски,
А доски ремонта оделись парадно
В лоскутья паркета свинцового блеска.

Исчерчены улицы ржавчиной кислой,
Их стены росисты, как спайки труб,
Их ложа разрыты дождем и повисли
На балках тумана, плавучих, как рыбы.

Ударами неба колеблется жесть их,
Брызги, как в ведрах, раздельны и жестки.

Они бросают звенящие жесты
За шиворот с крыш, со звоном и плеском.

19 апреля 1929

Ленинград

24. Май

Стекло растеклось весенней льдинкой.
Ветер распелся глубокой глоткой.
Пустота, – разведенная в ветре синька,
В жестяном ведерке пеною оботканная.

И босые, в мыльном и лоханном запахе,
Синие асфальты, свежие, как в госпитале,
Метятся собаками на быстрых лапах
И убегают с лаем в хлопоты и ростепель.

И солнце, солнце целый час,
Как в яму неба плечи вперло!
С его побелевшего плеча
Сочится пот в земное горло.

Май 1929

25. «Кусаешь ногти, морщишь брови...»

Кусаешь ногти, морщишь брови.
Губы сохнут, кусаешь их.
Сырая грудa – улов слов,
Притоптанных и тишайших.

Со скуки со слов этих шкуры слазят
На переплеты, пыль их,
А надо, чтоб, дрогнув зрачками глаз,
Задержались и завыли.

Локтями влезши в железный стол,
Потеешь и трешь в нём плешины.
В воде серебрятся ожившие толпы,
Играют, смешны и смешаны.

1929

26. Баллада

К северу держит капитан,
Львы ниспадают в танцах.
В то утро ветер разнес туман
И чёрт принес испанцев.

Сто сорок весел сыплет дождь,
Вздуваясь, лоснятся рожи.
Испанцы лезут на абордаж,
Британцы хотят того же.

Крючок; у кливера острый нюх,
Испанская галера повернула к английской.
Борта трещат от оплеух,
В воде роятся искры.

Людей бросают друг на друга
Дрогнувшие палубы,
Взрывает пену немая ругань
И пузырятся жалобы.

Они, кипя, венчают веру
В спасительного бога,
А галеры трутся друг о друга,
Как два подпивших друга.

Теснят англичан и валят,
Вбивают в щели, как паклю.
Сэр Герберт яростью налит,
Сулит недобитым петлю.

Обидно быть побитым,
Но, провидя участь армады,
Он, кляня испанцев, грозит им:
«Мы еще вам покажем, гады!»

1929

I. «Впотьмах еще мигнул трухлявый пенъ...»

Впотьмах еще мигнул трухлявый пенъ,
И затенькал звон, и оседала пена.
Дождем взрывало первые ступени,
И стены в нём тонули постепенно.

Скрипел комар за зеркалом. Вскипев,
Шипел и вторил самовар дождю.
Нам чудилось, что вечер налетевший
Куда-то осыпается, как дюна.

И я заснул не сразу, и пред тем
Как плюхнулся в припухшую подушку,
Ко мне пришла нечаянная темка,
И я смотрел и с удивленьем слушал.

Она вилась и липла у стола,
И лампа расплывалась лунным кругом.
В стекле была сплывавшая смола
И ветер, припирающий упруго.

Пугая нас, стекала с потолка,
Потемки процарапывая сажей,
Вбиваясь в поры, медленно, как копоть,
Припаиваясь, как металл на стуже.

Темнотою осветила ходы,
Несла через глубокие заборы,
Она пришла, чтоб с корнем вырвать сад
И вырыть недвусмысленные дыры.

И, наполняя ледяной озноб,
Раздвинула минутные пределы —
Таким неотвратимым образом
Начало намечается до дела.

II. «Когда, придя к столу, я сел и стал...»

Когда, придя к столу, я сел и стал
Разламывать печенье или корку,
Я разобрал, что сломлен и устал,
А масло пахнет жостью и прогоркло.

И, досидевши до конца и встав,
Накинулся на лестницу и еле
Дошел до верху, быстро отпер ставни.
Тогда-то мы очухались и сели.

III. «Дождь был один. Интимно рассказал...»

Дождь был один. Интимно рассказал,
Что он – большая серая собака.
Я тер лицо и липшие глаза,
Стеснявшиеся морщиться и плакать.

Обструги досок, бледный керосин,
Колеблемое пламя керосина,
Опять окно и сонная косынка,
Измятая и пахнувшая псиной.

И жирный шум льняных и грустных струй,
В кустах речной, в окне простоволосый.
И ломкость рук, – мы ели землянику,
И озеро, – мы расплетали косы.

6 июля 1929

Луга – Ленинград. Загородный, 16

30. Одесса

Вечер высчитал – ночь через час.
Точно. Был он.
Свет сочившийся погас.
Наступил сон.

Хрип, и ветер, и треск свай,
Череда волн.
Жесть выхлестывала лай,
Звон бил мол.

Волны с ревом в степь несут
В шерсти белый дым.
Камни рокочут – крабы в тазу
Черные из воды.

Сломлен у мидий острый край,
Погреб – бочки – сыр.
На базаре лают псы.
Бьют часы. Ночь.

15 июля 1929

Загородный, 16

31. Весна («Окна и люди, – серые на желтом...»)

Окна и люди – серые на желтом.
Люди и мыши – хвостики улыбок
Мечутся по улицам, а улицы расколоты
Сталью – это лужи, глубиной до неба.

В каждом желтом дворе
Синяя весна.
В каждом синем окне
Веселится примус.
На гудящем огне
Варится горох.
Под котами во дворе
Пыльные диваны.
К одному бежит гречёнок,
Подбежал и наплевал.
А коты, сощурясь
На весенний день,
Прыгнули с диванов
В голубую тень.
В погребке у норок,
В пiske темноты
Ждут мышей тишайшие
Черные коты.

29 марта 1930
Загородный, 16

32. Дворик на Канатном

У солнца лучик-хвостик,
Горячий, как укол.
Внизу цветет известка,
Но влажен желтый двор.

Расщеплены ступени,
Разлито молоко,
И выгорают тени
Угарно и легко.

1930

Одесса

33. «Я сидел, а вы играли...»

Я сидел, а вы играли,
Это было не нарочно:
Я глядел в свою диктовку,
Вы шутили с мандолиной.
Впрочем, тихо на рояле
Мендельсона вы учили.
Что поделаешь – таких
И в могиле беспокоят.

Мягко волосы струились,
Тихо песня раздавалась
И, однако, заглушала
Громкий примус в вашей кухне.
Слезы жгли глаза и душу,
Я их прятал, вы скрывали.
Грустно Мендельсона слушать
На расстроенном рояле.

1930

Ленинград

34. Елисаветградский переулоч

На большом колесе,
Красном и зеленом,
Двинулась карусель
С пеньем и звоном.

Лошадки качаются —
Огненные пятна,
Голубые платица,
Синие глаза.

Расплетается коса,
Придвигается гроза.
Затуманился базар,
Ветер давит, тучи прут.

Улетают платица,
Пыль по полю катится.
Капли прыгают, как ртуть,
Начинается дождь.

Под зеленой стеной
Карусель в брезенте.

Я один. Пустота. Кипящее небо.
Я один. Пустота. Шипящие лужи.

Я один. Я один. Это грусть моя звенит.
Убегаю и стою. Так ныряющий стоит.

.....

И дождь стоит – струя в струю.
И звон стоит, и я стою.

1930

Одесса

35–38. Ловля

I. «На светлом ноже от окна на обоях...»

На светлом ноже от окна на обоях
Висит золотая летучая мышь, —
Предутренний дождь всегда беспокоен, —
Другие мелькают, срываясь с крыши.

Стены тлеют, свет стекает,
Он темнеет. Он погас.
Догоняет, настигает.
Нет, не спится в этот час.

Но после дня и кипенья дня
Теперь вокруг цветет тишина.
Песок и жар испит до дна,
Вперед – пустырь, назад – стена.

Беззвучно прошла железом дверь,
Зеркальны лужи между рельс,
Без капли крови гудит голова,
И небо качают колокола.

Звон стихает, сон потек...

Но вдруг – движение, и сна нет:
Как брошенный в пропасть на солнце платок,
В сенях за дверью зажегся свет.

Свет внезапен. Я один.
И он немислим. Шума нет.
Нет ни звука. Нет причины.
Тишина. Пылает свет.

В сенях за дверью, верно, вор?
Там вора нет, поверь, поверь.
Сейчас я встану, возьму топор,
Ступлю на свет и открою дверь.

19 апреля 1930

Загородный, 16

II. «В окна падал белый снег...»

В окна падал белый снег,
На пол – синяя мука.
В полудуме-полусне
Веки сходятся тесней.

В этой узкой полосе
Вдруг камня на косе.

Тут росли густые сны

По каналам из ворот,
А в ушах молочный рог
Протрубил тринадцать раз.

Месяц черен. Он кишит
Голубыми червячками.
Печь открыта и блестит
Беспокойными зрачками.

Разбудил меня испуг,
Или треснул уголек.
Я гляжу – лицо в огне,
Это снится мне во сне.

Тлеет черная коса,
И искривлен красный рот,
Плачут черные глаза,
Их сжигает, их сожжет.

Я вскочил и протянул
Руки красные в огонь,
Я коснулся нежных щек,
Голубую шею сжал.

Тут лизнула и меня
Ярость темного огня,
И узорчатый платок
Затрещал и засверкал.

И не видя, что горят
Руки жадные мои,
И шипит среди углей
Разрываемое мясо,
Я сорвал ее наряд,
Изглодавший тело ей,

И приник к ее щеке
Из пылающих углей.

Завились по жилам рук
Змеи черные огня,
Кости вылезли из рук...

Разбудил меня испуг.
В дверь стучат, в окне темно,
И в печи горит бревно.

30 марта 1930

III. «Закутавшись в душные ночи...»

Закутавшись в душные ночи
И звездами злыми звеня,
По комнате движутся очи,
И жгут, и пугают меня.

В жару подымаюсь с постели,

Лицо в их одежду склоня,
Напрасно молю их о теле,
Они не слышат меня.

IV. «Дверь открылась из сеней...»

Дверь открылась из сеней,
Свет метнулся и погас.
Дунул холод из сеней
И скатился по спине.

Стены гложет свет луны,
Но лучи ее темны.

В дверь вошедшая легка,
Вот приблизилась она,
И бела ее рука,
И коса расплетена.

Тлеет лунная коса,
Жгут холодные глаза.

Я схватил ее и смял,
Я искал горячих губ,
Я был нежен, я был глуп,
А она была пуста.

Где вилась ее коса,
Черви лунные горят,
И растаяли глаза,
Уходящие назад.

31 марта 1930

Загородный, 16

39. «Я вижу – нет надежды...»

Я вижу – нет надежды,
Не любишь ты меня.
А слёзы, как и прежде,
Безмерны и красны.
И я сгораю, воя,
От темного огня,
От яростного зноя
Нахлынувшей весны.

1930

40. «Всё сходится точно...»

Всё сходится точно,
В назначенный день.
Решенье заочно
И неотступно, как тень.
Ты взвешен и сложен
По сотне смет.
Ты есть, ты должен,
Свободы нет.

1930

Загородный, 16

41. Белая ночь

Улица пуста. Опрокинутые в днище,
В лужах лица стекол морщинисты и плоски,
И дождь процарапывает белой ночью чище,
Чем мелом, ручейки, дорожки и полосы.

Слезные полосы. Тяжелый храп
Жеребцов из бронзы и дрыхнувших казарм.
Город полон шума, от писка во дворах
До сонного собачьего лая по базарам.

Если это – тишина,
Всё равно – не легче мне.
Тяжело бродить без сна
Или бредить в тишине.

Здесь всюду дышит и всюду полно:
Куда рука не ткнет,
За каждой дверью и стеной
Храпит, вздыхает, живет.

Опять окно, опять стена,
И здесь – рукой подать,
И здесь измята простыня,
И здесь скрипит кровать.

Я задыхаюсь и, если б мог,
Я вам клянусь, – сейчас
Я, право, пришел бы к каждой из вас
И придушил бы вас.

У труб, с их журавлиных ног,
Вода стекает вниз.

Но жар лицом уткнулся в сон
И, вздрогнувши, затих.
Скривились морды колесом
У подворотен злых.

Дождь перестал. Сошел с чердака,
Высморкался в плакат.
Железные крыши стали лакать
Рваные облака.

В луже смяк заплаканный плакат.
Черт подери, до чего же пусто!

Это не день, это не ночь,
Это ни то ни се,
Это – листок схлестнуло прочь
И по воде несет.

1930

Загородный, 16

42. «Видишь – там, в открытом поле...»

Видишь – там, в открытом поле,
Дождевые облака,
И в качестве постели
Почерневшая река.

Над широкою водою
Лошадь вытянула шею.
Одинокий поезд воет,
Одинокий ветер веет.

1930

Дорога в Сестрорецк

43. «Оцарапав ключья туч...»

Оцарапав ключья туч
О горелый красный лес,
Дождь прошелся кувырком
По траве. И улетел.
Сосны вспыхнули как медь,
Трубы кончили греметь,
Солнце сопки золотит.
За блеском дождевых червей,
За черными стеблями трав,
Туман застлал далекий путь
До шелковых синих снежных гор.
А тут горят стволы,
Текут куски смолы.
Мы расправляем грудь,
И вспыхивает медь.

1932

Верхнеудинск

44. «Не увлекайтесь преступными мечтами...»

Не увлекайтесь преступными мечтами,
А занимайтесь доступными вещами.
Сдерните дырочки с кружев.
В курзале семга, побелев.
Промчался синий лес, звеня.
Влюбитесь, девочки, в меня.
Дама с зонтиком стоит,
Солнце локон золотит.
Золотые стервы
Мне портят нервы.

1933

Павловск

45. Молитва петуха

Саки лёки лёк лёк
Не твори мне смерти.
Смердь твор в глубину
Не залей водой. Потону
Леденя. Ни кружки. Крошки.
Крышка. Болт.
Петушка на хворост.
Что за хвост?! – Не вырос.
Так зачем же меня
Выудили с неба,
Если здесь для меня
Не хватает хлеба?
Выпусти меня, дорогая тетя,
Я слезами обольюсь,
Помолюсь
За тебя и за всё твоё семейство
– Не большое беспокойство.

Зима 1933

46. Вася Дудорга

Все, которые живут,
Обязательно умрут.
Ночью в окошко
Прыгнула черная кошка,
Села на шею спящего лица —
Уберите мертвеца.
Ужины в «Астории»,
Темные истории,
Чёлка, чечетка,
Что ли, не очень четко.
Чок-чок боевичок.
Лиговские бандиты
Этим весьма убиты.
Поверьте на слово
Катюше Масловой
И многим другим
Недорогим.
Было дело поперек,
А он себя не поберег —
Ходил фертом,
Задравши рыло,
И вот уже мертвым.
Не выгорело. Погорело.
Шел трамвай девятый номер,
А в трамвае кто-то помер.

Уберите.

С кисточкой...

<1933>

47. Одна

I.

С тихим омутом не под ветками, а под клетками. С дырками. Соки из животов котов и собак. Случайных. Мученых. Все, кто в эти минуты кричит. Стоять и дышать на вишни. С мологожатками у губ. Я, как видите, не глуп. Излишне. Чья улыбка? Твоя, детка. Не увижу тебя. Я этому счастлив. Только потому, что набил котлет в счастливый живот. Благословенно небо! Под клетки! Свеже из-под пытки. В клетке стучат кости. А, здрасьте! Что это за китайская игра? Итак, кто счастлив, кому легко? Далеко до далеко до далеко. Порцию свежего воздуха, умоляю. Время измен. Сто измен. Да, да, сто понепрочней. Забыть о ней. О ком? С полным ртом. Порцию воздуха!

Зима 1934

Ленинград

II.

Черти в колесах. Колеса. Колеса. Так ли, так ли мы рассчитали... Всё тит-тится, не стони, не стони, не ти-тише. Хватился, музычка тихонько, дудочка. Позабудь, забудь-ка. Нет, мы на разрыв. Нет, мы на разрез. Суть вот в чем – кувырком, морчком, без сожалень, без сожалей, а ну, давайте, забывай. Передре-дребе-бередень. Черти в колесах. Звонче сверлили,

звонче сверлили. Черти в трамвай. Ай-ай-ай! Звонче сверлили, резók, резók, еще разок. Резók так голос мой. Хватайте! Стой! Ох, тащите, тащите. Стой! Кабы чтобы.

Зима 1934

Марсово поле

48. Другая

I.

Забыл, так вспомни. Зубами за камни. Цепляясь за арчу. Из-за скалы торчат острые уши в пятнышках. Да это какой-то барс! А ласки, а сны в подушке? Забыл? – Не может быть! Так раздвинь и в щель на солнце. Целый сноп. Береги от пыли нос. Да вспом... не держись за осыпь. Вниз, вниз. Да позволит ли он за камнем? Позволит ли мне? Отступи, не лезь. Горько, горько. Мне тебя жалко. А, брось, не жалея. Пой себе, забавляй. Мне к ней, к ней, через осыпь. По дороге вниз по снегу. Не могу после. Слепо побегу. На ослеп. Вниз, ниже. Наконец стряхни, стряхни же. Не меня. С меня. Не со скалы. С плеч. Не жизнь, а страх. Унеси прочь. Чему так глупо улыбаться! Залез на камни забавляться!

II.

В щепках открылась щелка. Спичку в самовар. Дымок. Дочка, дочурка, дурочка. Занять ведерочко. Уголь в мешок. Часу не прошло – была бы здесь. Как вырос. На часок. Держи... ловила б. Надо бы знать, чтоб не искать в тоске по улицам. А вдруг он вырвется. Выкажется в темноте, появится в толкотне. Привяжется, как будяк. Не рви. И так: оторвалось – выбрось. Жалко! – Не беда! И кто же знает, где находит и где теряет. Где разлука, где стынет плач, а где будет вечер встреч.

III.

Встреча. За столом. За мясом. Валом валят гости. На зубах кости. Смех. Милости просим всех. Угостим, вынесем. Не по силам – выбросим. Лечь и встать умытеньким. Из речки. Не уберечь дочки. Давайте пополам, чтоб и мне и вам. Поровну. До дна. Рукава по локти. Мне будет одна. И вам отдана. Режь сплеча, отдели тень. Мне – пройдет, и тебе на день. Мне пока не найдена милая. А потом по рукам. На руки. А где ее искать? В Михайловском парке. Или в Летнем саду. Там, пожалуй, найду.

IV.

Вот как: в лапы. Хвостом по тазу. По меди. Ходят медведи. Дочки, дочурки, ходят по парку. По улицам. Берегись, не выходи, не вертись. Стой, не вылазь – отморозишь нос. Заревел дико. Не слышала крика. Как он ее загребет! Взял зубами за хребет. И упала. Глубже, глубже, крича от боли. А где были ваши глаза, деточка-стрекоза? Нету, нету, перестань. Не поедешь по кустам, по оврагам. А мне бы отдохнуть и в путь. Хоть немножко. На дорожку, а то что-то тяжело. Ой, руки в грязи. Вытянул, завязил. Замарал, увез. Эй, чей это нос? Как, опять это ты? И уши, и те же пятна! Где же ты был? А тут. Тут, под боком. Далекó, далёко. Еще когда, а там будет видно. Не видно – не стыдно. Кое-какие мелочи. Залечить и вылечить. Да. Очень беспокойно. Пришло время. До свиданья.

V.

Не вертись волчком, а тащись молчком. Волочи свои горести. Горсти пыли в глаза. Навернулась слеза. Улыбнись. Под обрывом обернись. Через горы, по дорогам. Было мало, стало много. Слез. Пустяков. Куда ни кинь. За стену не задень. Нельзя. Стой, остерегись. Оторвалось, выбрось. Да, ну да же, не туда ли, где плакали, где гадали. Не туда, не в ту. А туда, где не знали, где лево, где право. Где пили. Пару пива. Туда, ко всем чертям. Нет, не для нас, нет, не вам такие вещи. Вам полегче и попроще. Вам работа до седьмого пота. Унеси. Спаси. С тобой, милая, дорогая. С мольбой. Умоляя. Но подошла машина. Корзины с виноградом. Поехали по дорогам.

Лето 1934

49. «Я высуну язык. На крюк...»

Я высуну язык. На крюк —
Это ли еще не трюк?!
И сам себя поволоку,
Дергая за проволоку.
Ты засмейся, моя дорогая,
За мной. Догоняя
На снегу.
Но потом я убегу.
Мы не грешим прекрасною душой —
Не благоуха в духах,
Мы всегда не в духах,
И дороги напитки.
Я слишком кроткий,
Чтобы скакать на цирковом коне.
Дайте хоть кончик пальчика
На счастье мне,
И то заплачу
От неожиданной радости,
Так как вижу только гадости.
Как принято выражаться
В родственном кругу,
Мне очень больно,
Я больше не могу.
Да, белокурые стервы
Мне портят нервы.

Ноябрь 1934

50. «Дама с зонтиком стоит...»

Дама с зонтиком стоит,
Солнце локон золотит.
Золотые стервы
Мне портят нервы.
Но я не первый.
За столом – гип! гип! —
Собралась компания.
Комната – гип! гип! —
Убрана цветами.
Куда же деваться?
Не с ними ли?
Снимите мне голову с плеч,
Так как мне негде лечь,
Кроме как в лужу,
Что совершенно то же.
И если нельзя иначе,
Пусть неудачник плачет.
Но если Господь захочет,
Выскочит и проскочит.
И тогда – гип! гип! —
Соберемся в комнате.
И тогда – гип! гип! —
Вылетит из памяти.

Ноябрь 1934

Загородный, 16

51. «Стукнуло по глазам...»

Стукнуло по глазам,
Заволокло слезам
Каменные искры —
Сколько сил на тоску. Тоска.
Письмо на столе. Чужая рука.
Далеко до далеко до далека
До горы. Но только дошел
До высокого верха,
Только сказал «хорошо», —
Налетают зимние ветры
И несут навстречу смерти.
Остановись, остановись,
Порадуйся, повеселись.
Вот и счастье — на этом месте
Ни ногой.
Перед дорогой. Под горой.

1934

52. Жажда

Кружится ветер. Липнут
К вишневым каплям лапы.
Жук лезет, окунаясь
В сухие слёзы клея.
Одна упала из клещей
И в двух сучках застряла —
А ну, лови ее скорей,
Пока она не упала.

Добывши спелую каплю,
Жук расправляет крылья
И из зеленых стен
Выпархивает вон.
На завитке лозы
Висит глоток росы.
Он подлетел и выпил,
Над ним сверкает тополь,
А на листке у тополя
Повисла третья капля.

Великолепно пить,
Когда свободна грудь.
Зачем же нужно року,
Чтоб жук свалился в реку?!

53. «Каждый из дому в карманчике...»

Каждый из дому в карманчике
Нам приносит вечерком
По морковке. И казанчики
Булькуют под огоньком
Веч дорожный скровь вил
Вытянула конфету
За бырожным ворковал
Голубь на заборе
И зеленая трава
Вика, виколиса
Затаманы, крам вбил
Кол ему в голову
С полфунтом олова.

1935

54. Едем через Кореиз

Дорога к раю
Колючки скраю
На землю в леньдик завирхи
Выревку задрогнул слескир
Магазинась лакомый клемкой
От муки на красной булке
Поликрачка плюнула
Килевая качка
Задоралы веткала
Дорогая дочка
Ласкалья Кляровна
Выньтела плючку
На кофейный сервиз
В замочную ключку
В траву упали капли
Оранжерейный, теплый

1935

Ялта

I. «Скрыни сроки в потору...»

Скрыни сроки в потору
Таталы за взвешено
на коромысле в дыку
вклотни червекрови
И выделявая в сухарех
раплюплю карлетку
Накормили, квилича
свирика дылони.

II. «Листопады, тородоги...»

Листопады, тородоги
теребили свирика
Разтопили котелок
Опустили в кипяток
Икотери иктори
икорили кровью
Вырыкали из пары
мироду из грыли

По катерита кипяток
и поспеваёт котелок.

1935

57. Детский сад в Бердянске

Скротуй забай
Зибавый перегай
Мизолы ветки
Слепили слепи
Миленю летю
Забили сети
И втыкали по метке
Зеленые букетки

1935

Ялта

58. Ветер. Дворик на горе. Суматох а во дворе

Несище плётом однорух
Столы подето вперепах
Крылами выслами петух
Согласно с зуслами старух
И вылимляно круглопёх
Разлаполит скорополох

1935

Ялта

59. Обезьяны

I.

Вокруг сгоревшей деревни негры прячутся в лесу. Других уносят паруса. Слезы на руках выедают пятна. Но на пиру у короля мырилимо таварга, талалима бурага. Краварима турага и подарили водки. А охотники в лесу забираются под рытки.

II.

Скавыча великом на куглых кочьях, за втивь, за рым, красный глаз из корвой зламы, зелёмый сок на склот, шерсторый ским, язы лиза, зализывая ранку. И подняли глаза на кром леголых палъм, и брызнуло крылано стрекозиным дождем в ходки/, и выполз коготками по пескам, вырывывая склыни под озером. Собралась обезьянья мземь зеверvlo на звини грые, крыгли хвостами за глезе взвигры, волосами рыжие миримы, завыргло гло в стебли блезни.

Злёмой зэврина задолголо, ревня/ под лопухом, ушибив лапу. Налетает черная палка и сбивает обезьяну на землю. Отнесли, продев через живот деревянную, занозами свесив, из глотки на землю капли, к огню, опаливши мясо на масле, очистив от костей. В челюстях, забившись в дырки. Глазами с гостя на гостя, запятнавши жиром кисти.

III.

Осталось двое маленьких завыркков. Губами тёмно кап-
ли млемя, вылимляно свирикло кломи; царапая листья, про-
ползают в глиняную осыпь и зовут напрасно.

Одного из той деревни негры нашли и съели, а другой
уполз и вырос и, грозно выревев из черных брыл, выпоркло
выдавлив душу, бросает мертвую тушу ломаных костей из ро-
говых когтей, и с мертвым братом вместе поет песню о мести
и, грызя, колочит жарты, зарывая из сердца мертвых.

IV.

Сто ри дна. Не выехал из ночки, и мы, кудая, выуживаем
тор. К до выехал, выродные, не преступи преступ. Выборные
из негров в белом. Вот новая деревня, и вышел форс на выр.
Вчер в речку девочка черпала вчерни черепий блеск чере-
пью, ополченные на воробьев, за руки льдо ноги выхидило,
выехало, выхло, волюбили, любил за руки и ноги вырванью.
Она уносит платье, оставив в лодке брата.

V.

Свипервый кроль за высверки, за взорхи, разорванных за
брало врыбых набыл и пробыл чемородом. До дна одна в ря-
де, крыни крихно, дебл за долбу, за выбычу звыча выродно,
выехало, поднюхало. Свириродно скруй, скрый, мы сегодня
олоудо. Помолимся затарнандю.

VI.

В лесу в обугленной деревне прыгает обезьянья стая. А
на пиру у короля ракарита мираля, шкуры мертвых обезьян

кравараки папазян.

Вот, вот ребенок в лодке лежит на тихой водке. Он был завернут в головной платок, перекидывал в ручках обезьянью косточку для забавы и разговаривал. Он пел свою песню.

Листья на берегу раздвинулись, к воде спустился зверь, прыгнул и выгрыз ему грудную полость и часть лица. Возблагодарим творца за мстительную справедливость.

Не может быть! Не может быть! Это был ребенок короля! Гуси-гуси га-га-га. И мы поем, пока в глотке не остыло жженые водки, и от начала до конца мы будем петь про мертвеца, и с мертвым братом вместе мы будем петь о мести.

1935

60. Щенки

Последний свет зари потух.
Шумит тростник. Зажглась звезда.
Ползет змея. Журчит вода.
Проходит ночь. Запел петух.

Ветер треплет красный флаг.
Птицы прыгают в ветвях.
Тихо выросли сады
Из тумана, из воды.

Камни бросились стремглав
Через листья, через травы,
И исчезли, миновав
Рвы, овраги и канавы.

Я им кричу, глотая воду.
Они летят за красный мыс.
Я утомился. Я присяду.
Я весь поник. Мой хвост повис.

В песке растаяла вода.
Трава в воде. Скользит змея.
Синеет дождь. Горит земля.
Передвигаются суда.

61-65. Танки

«Облако муки...»

Облако муки.
Без движенья мельница
В ледяной воде.
И застыло колесо
Над зеленой глубиной.

«Слезы льют цветы...»

Слезы льют цветы.
Капли белых лепестков
В дождевой воде.
Я ни разу не жалел,
Как жалею в эту ночь.

(«Син-кокинсю» 1205, Аривара Нарихира)

«Беспокойный сон...»

Беспокойный сон.
Ночью, раннею весной
Вдруг приснилось мне,
Что осыпались цветы
Всюду в золотых садах.

(Осикоти-но Мицунэ)

«Неужели никогда...»

Неужели никогда
Мы не встретимся с тобой
На короткий миг,
Как бамбуковый росток
В бухте Нанива?

(Хякунин иссю. Исэ)

«Провожают облака...»

Провожают облака.
След уносится волной.
Скоро ли сюда вернусь,
Не могу решить,
Как волна и облако.

(Хякунин иссю. Неизвестный)
1937

66. Мой друг – дурак

Мало, мало им того, что выкрадывают день. Удержи его, отстань. Мало им. Кому? Постой, уж очень ты не простой. Им того, что прожигают кишки. Пустяки. Крошки. Это даже только друг и спасибо за урок. Как друг? Друг ли? И рад за пазуху всыпать угли. Разлучить меня с водой! Тянет, тянет и уводит. Долго буду просыпаться с криком. Долго буду продираюсь в диком горном боку. По капле на скаку мелькнут строки. Всё это уроки!? Мерси боку!

Сухо на душе так, друг, твоя водица для питья не годится. Вот несется под дорогой дождевая. Спотыкаясь, – я и к этому привык, – я потерял поток, а что нашел? – Язык. Не найти ни тут, ни там, куда ни глазом, – слепо. Где же? Как и та – так же. Кто меня несет? Шаг. Кто ведет? – враг. Тише, тише, не так быстро. Но только сказал слово, катится без возврата по покато́й дороге назад. Где же, где же поворот? Бесполезно, не болезнуй. Вот он, вот – выше. Но без возврата, всё дальше и тише. Устали ноги от твоей дороги. Не спеши, не спеши, утишь. Кто молит, – молит за чужое. Для чего же два рожденья?! Отдыха! Покоя!

Мой друг – дурак, – вот кто я.

25–26 июня 1938

Двор Ялтинской киностудии

67. Волшебный рог

*Ein Knab' auf schnellem Ro?
Springt auf der Kaisrin Schlo?.*

Во двор к королеве в замок
Влетел нежданный всадник.
Конь перед ней пригнулся,
Мальчик ей поклонился.

О, как она была
Прелестна и мила!
Сверкнул из детских рук
Протянутый ей рог.

И тысячи огней
Роятся перед ней,
И из огней возник
Рубиновый цветник.

Клыком слона был рог,
Изогнут и велик,
Белее детских рук
Необычайный клык.

Вдоль рога звездный ряд —
Бубенчики горят.
Множество их вылито
Из звонкого золота.

Его послала фея,
О крестнице тоскуя,
В награду чистоте,
На службу красоте.

И мальчик говорит:
«Сейчас он крепко спит,
Но пальцы пробегут,
И рог мой оживет.

И колокольный лед
Сломавшись, зазвенит,
И капельки росы
Получат голоса.

Никто так не споет,
Как этот мертвый рот,
Его золотой язык
Убьет голоса живых».

Оставленный мальчиком рог
Хранит застывший звук,
Но когда королева его коснется,
Он раскроется и проснется.

Май 1939

68. Песня разбойников

Нет дыма тверже над землей
И пламя веселей,
Чем мы, когда встаем стеной
Из обугленных полей.

Вот режут голубой угар
Комки живых огней,
Мы вырастаем как пожар,
Мы веселим коней.

Язык огня летит разить
Из роковой руки.
Кто нам захочет возразить
На наши языки?

В ответ на темные слова
И на набатный гром
Летит пустая голова
Сметающим ядром.

А если кто оставил нас,
Подобран и зарыт, —
Он никому не портит сна,
Он рядом с нами спит.

Едва на утреннем огне
Заискрится роса,
Душа на облачном коне
Взлетает в небеса.

Май 1939

69. Ночные музыканты

*Hier sind wir arme Narrn
Auf Platzen und auf Gassen.*

Вот дураки.
Уже зажаты скрипки,
А он еще не подымал руки,
Немой и робкий.

Их голоса, слагаясь в хор,
Живут, как части.
Они ведут согласный спор,
Топчась на месте.

Один ощупывает грудь —
В ней дырки флейты.
Другой свернулся, чтобы дуть,
Сверкающий и желтый.

Тот, у кого висел язык,
Исходит звоном,
А самый круглый из пустых
Стал барабаном.

Вот девушка глядит в окно,
Внимая стонам.

Она мертва. Ей всё равно.
Она кивает всем им.

О, как волшебнo извлекать
Из носа звуки,
Одному только не на чем играть,
У него пустые руки.

Ей щиплет сонные глаза
Их треск и копоть.
Когда на щеке висит слеза,
Ее приятно выпить.

Им удастся побороть
Голодные вопли.
Но зачем, зачем им собирать
Соленые капли?!

Колышет ветром рукава,
Сверкают плечи.
Он не умеет воровать,
Он только плачет.

1939

Загородный, 16

70. Завоевание

I.

Губы сжала белая корка,
Это начало и очень жарко.
От чистой тени, разлитой лесом,
Я оторвался слепящим часом,
Но твердым шагом, с хвастливой осанкой,
Зигзаг за зигзагом иду тропинкой.
Шаги бесчисленно множат склоны,
Поток стал узкий и зеленый,
И каждому шагу всё больше невровень,
За острым камнем – высокий камень.

II.

Я вижу, что сил у желанья мало,
Так пусть поднимает чужая сила.
Когда я пойму, что вниз не вернуться,
Мне будет легче туда взбираться.
Где сыпет камни тяжелая робость,
Легко пролетает слепая радость.
Я прыгнул с высокого берега щели
На дальний, низкий, ведущий к цели.
Но тут меня охватила забота:
Я вспомнил, что что-то внизу забыто.

III.

Я не мог припомнить ни черт, ни имени,
Напрасно глядя вниз на камни.
Может быть, это встретится мне,
Или я вспомню об этом во сне.
Но, двинувши осыпь забрасывать снег,
Я вдруг заметил странный знак:
Из груды камней непроходимых
Едва приметна полоска дыма.
Я увидел скатерть из нашего дома
И за ней сидящих двух знакомых.

IV.

Один сказал: «Иди скорее,
За той стеной тебя ждут другие».
Не зная, кто там мог оказаться,
Я боялся надеяться и ошибиться.
Но там было пусто. Меня не ждали.
Как ждала тоска от дурацкой шутки!
А когда я вернулся, – и те пропали,
Только дым остался, сухой и редкий.
И мне не открыли их дороги
Ни солнечный круг, ни серп двурогий.

V.

Где надо жаться к пустой стене,
Другие лица явились мне,
Но, как и те, всего на миг,
И я ожидаю своих родных.
Меня торопит проклятый путь,
Не знаю, как мне их удержать.
Я считаю уступы бесцельных стен,
Я устал от прощальных перемен.
Уходят, уходят их голоса,
И тоска затемняет мои глаза.

Июль 1940

Сталино, гостиница

71. «Ослабевшая, упала...»

Ослабевшая, упала,
Бросив ветку, вишня.
Я томилась, ожидала,
В сад зеленый вышла.

Засияли, потеплели
Лунные ночи,
Чтоб не спали, чтоб летели
Сонные речи.

Если б им хватило силы
Подхватить, как крылья,
Мы слились бы и забыли
Пустоту усилий.

Июль 1940

Вокзал Октябрьской ж/д в Москве

72. Гипнотические фокусы

Проверьте скатерть на столе,
Под этой шляпой пусто.
Эта штука – пистолет,
А эта вещь – капуста.

Небосвод за пять минут
Виден стрелке плоским.
Я так рад на вас взглянуть,
Девушка из воска.

Теперь следите за рукой,
Я смешиваю кости.
Будьте, девушка, со мной,
Приходите в гости.

Дайте я вас помещу
В черную корзину,
Дайте я вас угощу
На одну персону.

А потом мы будем пить
Веселые напитки,
У меня есть кровать,
И ляжем спатки.

Июль 1940

Сталино, гостиница

73. «Бредят души из темных тел...»

Бредят души из темных тел,
Освободившись от важных дел.
Встряхните пальцы и бросьте
На клавиши, как кости.
Фикус нам являет фокус,
Троечный дупель представляет тревогу градом,
А дверь привешена к деревьям сада.
Живите осторожно —
Что человеку нужно?
Немножко водочки,
Немножко девочки.
Патефон развит над дачей.
Поздравляю вас с удачей.

Июль 1940

Сталино, гостиница

74. «Полинялая такая...»

Полинялая такая,
Обескровленная,
Завитая и пустая —
Чья ты, кто ты,
Дорогая?

Не побежденная,
Не убежденная,
Чужая,
Шуткой встреченная,
Минуткой меченная.

Глупая боль.
Жадная моль.
Полет. Мелькая.
Вот ты кто такая.

20 августа 1940 – 28 февраля 1955

Во сне

75. Дорога в Ура-Тюбе

Под горой на камне,
Выточенный утром,
Темно-красный пламень
Облаком окутан,
И за дымным оловом
Видно в узкие дверцы
Всё, что было жаловано
Ищущему сердцу.
Это вышитый закуток
Деревянных сеток
И висящая коса,
А в ней сердечная роса.

22 августа 1940

Дачный поезд из Бернгардовки в Ленинград

76. «Когда я был наездником...»

Когда я был наездником,
пятнадцать дней,
Я был завзятым звездником,
искателем огней.
И ременная ручка
моего хлыста
Торчала с каждой кочки
из зелени куста.
А вот уже вторая
неделя снега, —
Я снял с себя дороги
и сбросил ноги.

22 августа 1940

Дачный поезд из Бернгардовки в Ленинград

77. Псалом I

Сколько неизбежных снов
Выметает вечер,
Столько неизвестных слов
На языке у ночи.

Я устал благословлять
Счастливые обманы,
В стенки влипать и холодеть,
И зажимать ей карманы.

Всех карманов не зажмешь —
Она в жилетном носит нож.
Как быть? Что делать? Как спастись?
Услышь меня и отзовись!

Мне отвечает беззвучный голос:
«Бессмысленно не падет твой волос».
О, голос тайный, безголосый,
Ведь это важные вопросы!

22 августа 1940

Поезд из Бернгардовки в Ленинград

78. Псалом II

Какой-то странный человек
Был пастырем своих калек.
Он запускает их с горы,
Они катятся как шары,
Потом кладет их под горой
В мешок глубокий и сырой.
Там в сокровенной темноте
Они лежат уже не те.

22 августа 1940

Поезд из Бернгардовки в Ленинград

79. «Закрыв полой лукавый взор...»

Закрыв полой лукавый взор,
Мы темнотой смываем сор.
Пусть из текущей дряни
Окаменится строенье,
И пусть из ночи синей
Распустится освещение.
В нашем труде нет мутной боли,
В нашей слезе нет капли соли,
У нас в глазах спокойный сон,
У нас в ушах веселый стон —
Стон укушенного,
Стон утешенного.
Мы из первых рук берем свечу,
Провожаем в спальню их чету.
Мы оставляем их вдвоем,
И мы не рыдаем, а поём.
Когда же один из них ушел, —
О, сколько яростных упреков! —
Пусть тот, кто что-нибудь украл,
Поднимет руку.
Из всех, кто был так близко от вас,
Нам дорог тот, кто вот что унес:
Ярость и злобу на доски
И немошь подняться того, кто плоский.
А мы заполняем пустую впадину,

И мы убиваем слепую гадину.

22 августа 1940

Дачный поезд из Бернгардовки в Ленинград

80. «Чем корзины полней высокими лбами...»

Чем корзины полней высокими лбами,
Тем горше взгляды глаз под ними.
Чем ближе угол, чем шире дверь,
Тем больше глубоких черных дыр.
И только чердачные полосы
Чешет гребень сосновых реек,
И только страшные возгласы
Заносят шаг правее.
Когда шипит комок из черной глотки,
Тот, кто бежит, – пришит.
Мы шлём привет спецам наводки,
Мы шлём привет.
Один из нас, семерых и рослых,
Когда в реке
Из твердых рук упали весла,
Был далеко.
Что было общего, что нас связало?
Стрекоза с зеленым рылом.

27 августа 1940

81. «За мной следил зеленоглазый гад...»

За мной следил зеленоглазый гад.
Красные веки содержали лужи воды болотной,
Зубы мысленно жевали мой обглоданный скелет.
А я? Что я делал? – Я был рад,
Что я такой беззаботный.

27 августа 1940

82. Железный мальчик

Став на собственные ноги,
Несмышленный мальчик
Был убит в универмаге.
Дело было мельче:
Он был пойман в переулке,
Уличенный в краже булки,
Где пришлось остановиться
По причине помочиться,
И из-за карманника
Получилась паника.
Да, на кучу мелочи —
Ничего нет легче —
Вот что можно получить,
Будучи ловче:
Веселый вечер с эскимо
И с папиросками,
Потом нардом, и в нём кино
С недопёсками.
Там шикарно в темноте,
Можно пощупать в тесноте,
Поддержаться за буфера —
Развлекайся, детвора!
Выиграв американку,
Отвести ее в сторонку:
«Брось, Клавка, не виляй,

Лезем в дровяной сарай.
Тише, тише, шутки брось!
Эх, беда! Не довелось».
Публика протестовала:
«Этого не доставало!»

27 августа 1940

83. Псалом III

Если б свежая зелень пробилa щели,
Мы бы меньше трепались и больше спали.
Под самую крышу перинных гор
Восходит кухонный теплый пар.
Мы замыкаемся под дождем,
Мы просыпаемся и не ждем,
И, раздвигая стебли пыли,
Выходят все, кого забыли.

Окно занавешено в пустоту,
Я щупаю ночную густоту:
Она закрыта, она надежна,
А то, что за нею, — темно и нежно.
Самый лучший из миров —
Глубокий колодец березовых дров
У нашей каменной стены,
А остальные не нужны.

Нам не нужно и не важно,
Кто разрывает, кто освещает, —
Действуйте осторожно!
Мы проклинаем веселый грех,
Мы обрекаем короткий смех,
И пусть нам поможет единый Бог,
Благословляем сонный вздох.

1940

Загородный, 16

84. Болото

Жили на свете пень и колода:
Он сед как лунь, а ей три года.

И оба были вороны,
И правы обе стороны.

Один имел уютный дом,
Другой ютился под кустом.

А ночью наступал мороз,
Но, между прочим, ворон рос.

Пока он рыл себе нору,
Другой надраивал кору:
«Дом устойчивый и крепкий,
Окружен болотом топким.
Ни одной в трясине тропки,
У меня сухие лапки».

«Холод ветрен и остер,
Развести бы хоть костер.
Мне тесна моя нора,
И узка в нее дыра.
А вот готовые дрова —
Старые заборы.

На дворе растёт трава.
На дверях – запоры».

Полуворон-полувор
Собирает общий сбор:
«Давайте, звери, возьмемся вместе,
Растащим старый дом на части».

Слава справедливой мести!
Звери раскрывают пасти.
Ворон делает крылом:
«Будем строить новый дом,
А сначала безусловно
Разнесем седые бревна!»

Раздавайся, победный гром!
Ворон делает крылом.
Смысл всего пока что в том,
Что на болоте хренолом.

Сентябрь – октябрь 1940

85. Охота

На самой бедной
безлистой ветке
Повисла парадная
птичья клетка.
Играя, треплются
острые полы,
В песок торопятся
медленные стрелы,
Тетивой доброшенные
до крови,
Круглые, бешеные,
как брови.
Луки мечут
вылеты,
Сухие плечи
проколоты.
С размаху валится кусок
под очаг,
И забивается песок
в живучий мех.
Сбегают осыпи, топча
зеленый луч,
И зарывается плечо
в холодный снег.

Ноябрь 1940

86. Случайность

Разбуженный стрельбой
Сгибает шею.
Конь сыпет за собой
Осколки боя.

Но вымытый овраг
Хранит, как ночь,
И сваливает шаг
Угрозы с плеч.

Во встретившемся доме
Дымится печь.
Всё быстрыми следами
Стремится прочь.

Еще стучат и дышат
Стволы перил,
Но тот, кто здесь ходил,
Меня не слышит.

Мне открывает след
Слепая жалость.
Еще разбивает сад
Бегущий шелест.

Из бледного окна,
Ломая складки,
Мятется тишина
В сухие ветки.

Но поиски меня
Приводят к чаще,
Там вырос рой огня,
Ко мне летящий.

Среди зеленых пчел, —
Я к ним пробился, —
Ее бы я нашел,
Но оступился.

1 января 1941
Загородный, 16

87. Сон («Вот подкручены усы...»)

Вот подкручены усы
У нашей грусти.
Бегут веселые часы.
Мы с ними вместе.

Нам не расстаться,
Мы не хотим.
И мы за ними.
Неотвратим,
Он забирает у нас часы,
Он обрывает у нас усы,
И он разбивает нам носы.

Тогда мы утром, под дождем,
Летим по крышам.
И мы скитаемся и ждем,
И тихо дышим.

Нас утешает в пустоте
Тревога драки,
И мы кусаем в высоте
Пустые руки.

Февраль – март 1941

88. Сатурн

Сатурн ступил на темный хвост
Из деликатности.
Но этот шаг ему принес
Неприятности.
Вот путь его блестит слезами звезд —
Сатурн вступил в несчастный час
На темный хвост.
Он уклонился, уклонился. Мимо.
Его преследует беда незримо.
Она приводит в нужный час, —
Нескоро, —
К тому, что вот – Сатурн погас
С пути мирского.
И кто взошел на звездный мост
Его следами,
Страшитесь наступить на хвост
Тех, кто под вами.
Рассеялся вонючий дым
Небесной падали,
Но мы хотим, но мы хотим,
Чтоб чаще падали.

89. «Без помарок. За курок...»

Без помарок. За курок.
Сорван синенький цветок
Беззаботно на снегу.
Он сбегает к озеру,
Он цветет на берегу,
Пока не подморозило.
На полозьях донесен
До колеи сквозящей,
И утоплен прошлым летом
Как самый настоящий.

Февраль – март 1941

90. Летучий змей

Ветка сбросила
Серый снег.
Было весело,
Я бы лег.

Тем, чье вечером
Ремесло,
Было весело,
Их несло.

Утром пущенный
На восток,
Змей, размокший
Под кустом.

Мы нагнулись
За ним рукой,
Но наткнулись
На ручей.

16 сентября 1941
Загородный, 16

91. Таинственное воспоминание

Они питаются за счет
Жестокой тряски.
Есть некий низменный расчет
На ваши ласки.

Раскрывается тряпье,
И вводят руку.
Рука хватает за ее
Нагую штуку.

Выносят мокрый узелок
Из парадной...
Я одеваюсь. Я увлек,
Я нарядный.

Я оделся чрезвычайно.
Это пагубная тайна.
Для того, кто одинок,
Сорван радостный звонок.

Мы выбегаем в гастроном
Достать мадеры,
Мы возвращаемся с вином,
Но там – заборы.

Привлекательная месть
Сорвала двери,
Но разрешите мне присесть:
Здесь были воры.

16 сентября 1941

Загородный, 16

92. Ры-ры

Я дурак, я дерьмо, я калека,
Я убью за колбасу человека.
Но пустите нас, пожалуйста, в двери,
Мы давно уже скребемся, как звери.
Я ж страдаю, палачи,
Недержанием мочи!

17 сентября 1941

Завод им. К. Маркса

93. Застольная песня

Мы растопим венец на свечку,
Мы затопим мольбертом печку,
Мы зажжем запломбированный свет,
Мы сожжем сохраняемый буфет.
Я проклиная обледенелый мир,
Я обожаю воровской пир.
Мы от всех запрячем
Ароматный пар,
Мы у дворника заначим
Хлеб и скипидар.

Ноябрь или начало декабря 1941
Загородный, 16

94. «Как будто я еще довольно молод...»

Как будто я еще довольно молод
И даже, кажется, сравнительно здоров.
Так почему ж меня сжигает постоянный холод?
Да потому, что в жилах истощилась кровь.

*Декабрь 1941
Загородный, 16*

95. «Дайте, дайте мне обед...»

Дайте, дайте мне обед,
Дайте сытный ужин.
А иначе Бога нет,
И на хрен он мне нужен.

Ранняя весна 1942

Загородный, 16

96. Игра в карты

Первый признак – потный лоб,
Мы очень рады.
Когда едим горячий суп,
Свистят снаряды.

Второй – медали на груди
И бешеные строки.
Ах, мы не знаем, что впереди,
Какой там джокер...

Но мы прокладываем путь.
Там месят тесто.
Там у меня осталась мать,
Там ждет невеста.

Лети, лети, крылатый друг,
Спеши на праздник милый.
Ты не окончишь полукруг
Моей могилой.

Кто отстраняет их полет?
– Не ты, конечно.
Но если, если Бога нет?
– Нам безразлично.

Бессмыслен праздник, если нет
Веселой встречи.
Мы оторвали свой обед,
Свисти короче.

Кто отстраняет их полет?
Мы очень рады,
Когда течет горячий жир с котлет,
И шоколаду.

Но если в небесах столбы
Родного дыма,
Мы воссылаем вам мольбы:
Валитесь мимо!

9–10 мая 1942

<Ленинград.> Николаевская, 73

97. Крым («Тесто всходит в темноте белее снега...»)

Тесто всходит в темноте белее снега,
Зеленей воды шумят деревья в парке,
Дышит хлебной печью раскаленная дорога,
Пыль лежит, как мука на теплой корке.

Хрупкий сахар арбузов склеивает пальцы,
До локтей в бараньем жире руки,
Крепкий сок благоухает чесноком и перцем,
В нём кипят золотые чебуреки.

Скумбрия еще свистит, захлебываясь маслом,
Камбалы еще сосут лимонный сок.
Неужели этот мир немислим?
— Всё это голодный сон.

На горячих бубликах распускалось масло,
Мы их заливали козым молоком.
К розовым бифштексам мы заказывали рислинг —
Почему ж нам не было легко?

Что-то не давало нам покоя.
Что-то нас тянуло к панике.
Видно, нам мерещилась выжатая соя

И дурандовые пряники.

24 мая 1942

Николаевская, 73

98. Псалом IV

Я еще плетусь за светозарным небом,
Но меня не выпускает ледяная тень.
Надо одеваться и идти за хлебом,
Мне сегодня что-то лень.

Я предлагаю кофе и открытки,
Я предлагаюсь весь,
Я сделался немой и кроткий,
И я с покорностью глотаю грязь.

Кускам подобранного с четверенек хлеба
Давно потерян счет.
Я, очевидно, никогда и не был
Ни весел, ни умен, ни сыт.

Еще висят холсты, еще рисунки в папках...
Но я теперь похож, —
Произошла досадная ошибка, —
На замерзающую вошь.

А впрочем, может, вши тебе дороже
Заеденных людей?
Если так, — выращивай их, Боже,
А меня — убей.

Но если что-нибудь над нами светит
И ты на небесах еси,
Я умоляю, хватит, хватит!
Вмешайся и спаси.

24 мая 1942

Николаевская, 73

99. Застольный гимн лещу

Золотой, высокопробный лещ,
Вознесенный над голодным миром,
Это ювелирнейшая вещь,
Налитая до краев бесценным жиром!

Чья прозрачней чешуя
И острей чеканка?
– Твоя, твоя!
Ты даже слишком тонкий.

Твой жир, впитавший хвойный дым,
Как янтарь висит по порам.
Мы хотим его, хотим,
Чтоб согреться животворным жаром.

А чьи глаза, а чьи еще глаза
С продернутым сквозь них шпагатом
Висят, как пьяная роса
На бокале круглоротом!

Мы пьем беззвучные слова
С благоговеньем жалобным и пылким,
И у нас темнеет голова,
Задранная к вожделенным полкам.

Возношу к тебе мольбы и лесть.
Плавающий над погибшим миром,
Научи меня, копченый лещ,
Как мне стать счастливым вором.

29–30 мая 1942

Николаевская, 73

100. «Презреннейшие твари...»

Презреннейшие твари
В награбленных шелках
По подвалам куховарят
На высоких каблуках.

Эти твари красят губы
Над коровьим языком,
Их невысохшие груди
Набухают молоком.

Сам огонь в их плитах служит,
Усердствуя, как пес,
Он их сковороды лижет,
Сокровенные от нас.

Нас томит у их порога
Страшный запах каши,
Мы клянем себя и Бога,
И просим, просим кушать.

Нет желания сильнее,
Чем сбыть им наши вещи,
И мы следим за их спиной
В ожидании пищи.

24–26 июня 1942

Николаевская, 73

101. Дом на Большой Московской

Мы найдем себе жилплощадь
Без потолка и пола,
Мы развесим наши вещи,
Чтоб не было так голо.
Да германские снаряды
<Изорвали> воздух...
Отчего же мы не рады
Ночевать при звездах?!

26 июня 1942

Николаевская, 73

102. Псалом V

Может, это шутки надо мной!?
Невыносимо!
Или просто скиксовавший кий,
И шар проехал мимо?

Или ты выдавливаешь мысли
Из меня, как молоко из сои?
Так скоро, скоро я прокисну,
Я предупреждаю.

И если это для художника
Открытое окошко,
То клянусь, клянусь, – хорошенького
Понемножку.

26 июня 1942

Николаевская, 73

103. Псалом VI

Отчего я лаю на тебя, о Боже,
Как исполосованный холоп?
Оттого, что из вонючей саж
Голыми руками выскребаю хлеб.

А отчего земля внезапно повинуется ноге
И восторженный мороз пронизывает кожу?
Оттого, что ты бросаешь кость строптивому слуге,
О великодушный Боже!

Я предъявляю жалобы и ругань.
— Безрадостный удел!
Никто еще свирепейшего Бога
Пинками не будил.

Конечно, до сих пор мой собеседник — ты,
За неимением другого.
Я ем, я ем твои цветы!
Дурацкая забава.

Куда бы сном ни уводили улицы,
Чудеснее ты не видал изделий,
И те, которые тебе умеют нравиться,
Таковыми не ходили.

Выискивая под столами крохи,
Обрызганный землей могил,
Я предъявляю золотые руки
Со всем, что я любил.

10–15 июля 1942

Ленинград

104. «Нет, я ничего не понимаю...»

Нет, я ничего не понимаю
В своем голодном вое,
Слишком долго я немею,
В стиснувшем меня трамвае.
Дома я бы каждую минутой
Оживлял твою сырую глину,
Но ты меня томишь другой работой —
Вот я терплю, терплю и плюну.

<1942?>

Ленинград?

105. Детские игры

Старый дом несносен.
На сухую кашку
Мы наплещем песен
И растопчем кружку.

Посбиваем крышки
И выбросим во двор
Старые игрушки
И прочий сор.

А затем над грядками
С молоком
Мы зальемся сладкими
Незнаком.

И обеспокоенные
Острой болью,
Заметем посеянное
Белой пылью.

Вот умервщлено на стебле, —
Ах, зачем это нужно, —
Молодые, острые как сабли,
Всё, что было нежно.

Что же, мы очень рады,
Нам не жалко
Вывалить салаты
На тарелки.

Веселитесь, детки,
День ваш краток.
Скоро втопчут ветки
В комки грядок.

27 июля 1942

Ленинград

106. «Налетели страшные рожи...»

Налетели страшные рожи
На счастливый дом.
Скатерти пятнает сажа,
Окна затекают льдом.

Переломанные полки
Устилают щепками пол.
Опустевшие тарелки
Наполняет черная пыль.

Мы туда вернемся
Все втроем
И окликнем сидящих молча
За пустым столом.

Их узнает темной ночью
Наша выросшая дочь.
Мы устелем скатерть пищей.
Будь благословенна, ночь.

Сентябрь – октябрь 1942

Алма-Ата

107. «Нет, не знаю я Иова...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.